

Я рассмеялась: «Всё в мире начинается с малого. Вот и я взяла его на руки — подержу, подержу и привыкну». С этими словами я протянула руки к Шоули. Малыш, ничуть не смущаясь, рассмеялся и потянулся ко мне.

А-Хуань, не видя иного выхода, передала мне Шоули, ворча при этом: «Он ещё совсем маленький, косточки не окрепли. Держи его осторожнее».

Я тут же пообещала, но едва взяла кроху на руки, как сердце ёкнуло от тревоги. Он был таким хрупким, будто его можно было раздавить одним неловким движением, да ещё и вертлявым — ручками и ножками так и махал, что я вся напряглась, словно перед лицом грозного врага. Однако, прижав его к себе, я ощутила, какой же он славный: пухлые щёчки, редкие мягкие волосики, круглые короткие ручки и ножки, а от него так сладко пахло молоком.

В его жилах текла кровь, родная мне, а воспитывала его та, кого я люблю.

На миг в сердце потеплело и стало сладко. Мне показалось, что я держу не сына Ли Жуя, а собственного ребёнка. А-Хуань, Шоули и я — словно самая обычная семья.

Я крепко поцеловала Шоули в щёку и, подняв голову, заметила, что всё его лицо испачкано чёрными пятнами. Это чернила, которые я забыла смыть, перешли на него. А раз на его лице таких разводов, то на моём, наверное, и вовсе чёрным-черно.

А-Хуань рядом залилась смехом, и за ней, сдерживая улыбки, принялись служанки и кормилицы. Но обиднее всего было то, что Шоули, ничего не понимая, тоже расплылся в беззубой улыбке. На его перемазанном личике сиял один лишь розовый ротик, отчего окружающие расхохотались ещё громче.

В досаде я топнула ногой и отдала Шоули служанке. А-Хуань велела принести воды, намочила полотенце и принялась вытирать мне лицо, но снова не смогла сдержать смеха. Я, рассердившись, проворчала: «Если госпожа княгиня будет так насмехаться надо мной, я больше не осмелюсь к вам приходить».

Она тут же сделала серьёзное лицо: «Хорошо, больше не буду». И вправду вытерла мне лицо с невозмутимым и даже старательным видом.

Такая перемена меня насторожила, я хотела было спросить, но она уже отошла, чтобы обтереть Шоули.

Едва она отвернулась, как служанки, взглянув на меня, снова покатались со смеху. Я велела подать зеркало и увидела, что эта проказница оставила у меня на щеке иероглиф «глупец». Тут же позвала воды, чтобы смыть, но служанки так хохотали, что никто не шелохнулся. Я стояла, сгорая от стыда и досады, и только беспомощно сверлила глазами А-Хуань. Та как раз возвращалась от Шоули, с мокрым платком в руке. Она провела им по моему лицу, а пока служанки сутились, меняя воду, наклонилась и тихо сказала на ухо: «Если бы нас было только трое, и каждый день был бы таким... Как бы это было прекрасно».

Сердце моё дрогнуло. Я подняла на неё взгляд, но она уже выпрямилась и лениво промолвила: «Цуй Мин-дэ любит поспать после полудня. Если хочешь её застать, поторопись».

На душе стало и сладко, и тепло, и чуть-чуть горько. Я пробормотала: «Я ненадолго, потом вернусь к вам... Я... я не хочу вас постоянно обременять, но в учёбе появились трудные места, хотелось бы посоветоваться».

Она ответила: «После обеда надо переписывать сутры, сроки поджигают, нельзя расслабляться».

Я сказала: «Это для благословения Далана, мне тоже стоит приложить руку. Вернусь — присоединюсь к вам».

Она с улыбкой взглянула на меня: «Но я тоже собираюсь отдохнуть».

Я чуть не выпалила: «Тогда и я прилягу с вами!» — но, поколебавшись, всё же промолвила: «Тогда не стану мешать. Завтра приглашаю вас полюбоваться цветами». Собралась уходить, но на пороге меня охватило сожаление. Я обернулась и увидела, что она, сияющая, подходит ко мне, берёт за руку и говорит: «Ты слабенькая, тебе тоже нужен послеобеденный отдых, чтобы набраться сил. Вечером сыграем с тобой в шуанлю и в кости». Тяжёлый камень с души будто свалился, и на лице само собой расцвела улыбка.

Цуй Мин-дэ оказала мне немалую помощь, поэтому к пиру в честь любования цветами я подготовилась с особым тщанием. Все яства и украшения выбирала лично. Поскольку праздник проходил во дворце, я добавила положенные по придворному этикету элементы. Сначала хотела пригласить лишь небольшую труппу музыкантов, но в итоге собрала и сидячий, и стоячий оркестры, а ещё артистов «ста игр», готовых показывать трюки с проглатыванием мечей, извержением огня, хождением по канату и прыжками сквозь обручи.

Пир устроили в небольшом павильоне на берегу пруда Тайе. Его выстроили в нынешнем году специально для осенних гуляний. Павильон стоял у самой воды; с первого этажа можно было выйти в крохотный дворик, украшенный камнями и засаженный высокими и низкими сортами хризантем. Окна на втором этаже были шире обычных и открывались не вверх-вниз, а в стороны, почти как нынешние панорамные. Мы сидели у этих распахнутых окон: вдаль виднелись осенние леса и сверкающая гладь пруда Тайе, вблизи — золотые, алые, белые и изумрудные хризантемы, соревнующиеся в красоте. Прохладный ветерок доносил лёгкий цветочный аромат, смешивавшийся с благовониями из медной курительницы у окна. Запах был тёплым, сладким и сразу напоминал о том, что настала золотая осень.

Я прибыла рано, чтобы проследить за расстановкой утвари. Вскоре подъехала и А-Хуань в паланкине. На ней были узкий белый кафтан и светло-жёлтая юбка, волосы небрежно убраны в небольшой пучок, на ногах — вышитые шёлковые туфли. С первого взгляда её можно было принять не за замужнюю даму, а за юную девицу. Увидев её из окна, я поспешила вниз и с почтительным поклоном произнесла: «Приветствую госпожу княгиню».

Она слегка укоризненно взглянула на меня, протянула руку, и я помогла ей сойти. А-Хуань сказала: «Дугу Шао сегодня в карауле, сейчас она на восточном игровом поле. Ты её пригласила? Если нет, пошли кого-нибудь за ней».

Я улыбнулась: «Она уже в курсе. Сегодня она специально поменялась сменой, чтобы попасть во дворец. Думаю, уже в пути». Только я это произнесла, как появилась Дугу Шао. Она бодро подошла ко входу, с улыбкой поклонилась А-Хуань и мне: «Приветствую принцессу, княгиню Лулин».

Я поспешила её поддержать: «К чему такие церемонии?»

Она ответила: «Всё ещё при исполнении обязанностей, должна соблюдать придворный этикет». Чинно завершив поклон, она выпрямилась, и на её красной шёлковой кирасе я увидела

вышитый золотом крупный пион. Я с удивлением спросила: «Откуда у тебя такой наряд? Очень красивый».

Дугу Шао самодовольно улыбнулась, положила руку на церемониальный меч, но прежде чем она заговорила, А-Хуань пояснила мне: «Императрица-мать повелела, чтобы все всадницы Мулан носили одеяния с золотыми пионами и церемониальные мечи, подобно страже Цзинью, и присутствовали на больших аудиенциях в новолуние и полнолуние, стоя по сторонам от императрицы».

Я с пониманием кивнула и предложила: «На улице прохладно, не будем тут стоять. Прошу всех наверх». Провела их наверх и предложила А-Хуань почётное место, но она отказалась, сославшись на мой ранг, усадила на первое место меня, затем попросила занять главное место Цуй Мин-дэ, а сама с Дугу Шао села по бокам.

Мы обменялись несколькими незначительными фразами. Дугу Шао всё думала о Цуй Мин-дэ и то и дело поглядывала на дверь. Мне это надоело, и я поддразнила её: «Мы договорились на час Овцы [~13:00], а сейчас ещё даже не полдень. Чего ты суетишься?» Тут же спохватилась и посмотрела на А-Хуань, но та сделала вид, что не замечает, и спокойно пила чай, лишь изредка, когда Дугу Шао оборачивалась к нам, бросала на неё косой, слегка отстранённый взгляд.

Мне стало смешно. Пользуясь тем, что никто не видит, я тихонько подкралась к А-Хуань сзади, на мгновение сжала её руку и тут же отпустила. Затем, обернувшись к Дугу Шао с улыбкой, сказала: «Времени ещё много. Давайте прикажем принести кувшин и сыграем в тоуху».

Служанки уже приготовили все игры: «цветочные выборы», чжупу, го, «золотые монеты» и прочее. Едва Дугу Шао кивнула, они внесли узкогорлый золотой кувшин и тридцать шесть раскрашенных перьевых стрел. А-Хуань, увидев кувшин, повернулась ко мне, провела пальцем по щеке и, высунув язык, насмешливо улыбнулась. Зная о своём непрофессионализме, я не стала настаивать и предложила: «Пусть госпожа княгиня и Шао играют, а я буду счётчиком».

А-Хуань сказала: «Это ты предложила тоуху, а сама не играешь. Какая же это игра, если нас только двое? Либо играем все, либо не играем вообще. Давайте лучше сыграем в азартные игры на деньги».

Из всех игр я хорошо разбиралась лишь в шуанлю, а азартные игры мне не нравились, поэтому пришлось согласиться: «Ладно, давайте в тоуху». Дугу Шао тут же уступила мне очередь: «Ты хозяйка, бросай первой». Она отобрала для меня фиолетовые стрелы, красные отдала А-Хуань, а себе взяла зелёные.

Служанки поставили кувшин шагах в десяти от нас. Я закатала рукава, взяла одну стрелу, долго целилась и наконец метнула. Стрела пролетела не более пяти шагов и беспомощно упала на землю. Смущённо взглянув на Дугу Шао, я пробормотала: «Мастерства не хватает».